К 100-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
TO THE CENTENNIAL OF THE RUSSIAN ACADEMIC ARCHAEOLOGY

**Древности Восточной Европы,
Центральной Азии и Южной Сибири
в контексте связей и взаимодействий
в евразийском культурном пространстве
(новые данные и концепции)**

**Antiquities of East Europe, South Asia
and South Siberia in the context
of connections and interactions within
the Eurasian cultural space
(new data and concepts)**

**I. ДРЕВНЯЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОГО
КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА (НОВЫЕ ДАННЫЕ И КОНЦЕПЦИИ)**

**ANCIENT CENTRAL ASIA IN THE EURASIAN CULTURAL CONTEXT
(NEW DATA AND CONCEPTS)**

*Организация конференции и издание материалов проведены
при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 19-09-20008*

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

*Редакционная коллегия тома I: В. А. Алёшкин, Л. Б. Кирчо (отв. редакторы),
В. П. Никоноров, В. Я. Стёганцева, В. В. Терёхина*

Рецензенты: д. и. н. Л. Б. Вишняцкий, д. и. н. А. А. Выборнов

Программный комитет конференции: академик РАН, д. и. н., проф. М. Б. Пиотровский (Государственный Эрмитаж, почетный председатель); д. и. н. В. А. Лапшин (ИИМК РАН, председатель); д. и. н. А. В. Головнёв (МАЭ РАН, сопредседатель); д. и. н. В. А. Дергачёв (Высшая антропологическая школа, Молдова, сопредседатель); д. и. н. И. Ф. Попова (ИВР РАН, сопредседатель); академик АН Республики Узбекистан, д. и. н., проф. Э. В. Ртвеладзе (сопредседатель); к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, зам. председателя); к. и. н. В. А. Алёшкин (ИИМК РАН, зам. председателя); д. и. н. Ю. Е. Берёзкин (МАЭ РАН); Dr., Prof. Н. Бороффка (Германский археологический институт, Германия); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН); Dr. Э. Кайзер (Свободный университет Берлина, Германия); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); к. и. н. А. В. Кияшко (Южный федеральный университет); к. и. н. П. Ф. Кузнецов (СГСПУ); к. и. н. Н. М. Малов (СНИГУ); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); д. и. н., проф. Д. Г. Савинов (Институт истории СПбГУ); к. и. н. В. Н. Седых (Институт истории СПбГУ); к. и. н. Н. Н. Скаун (ИИМК РАН); к. и. н. Н. Ф. Соловьёва (ИИМК РАН); к. и. н. А. И. Торгоев (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)

Организационный комитет конференции: к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, председатель); к. и. н. В. А. Алёшкин (ИИМК РАН, зам. председателя); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); А. И. Климушина (ИИМК РАН, отв. секретарь); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); В. Я. Стёганцева (ИИМК РАН); В. В. Терёхина (ИИМК РАН, МАЭ РАН, отв. секретарь); к. и. н. Е. С. Ткач (ИИМК РАН); И. Ж. Тутаева (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)

Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии Вадима Михайловича Массона. — СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. — 291 с.

ISBN 978-5-907053-34-2

DOI 10.31600/978-5-907053-34-2

ON THE PROBLEM OF THE METHODOLOGY OF RESEARCHING WORKS OF PREHISTORIC ART

Il'ya V. Palaguta

St. Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design, St. Petersburg, Russia

Keywords: *prehistoric art, early agricultural cultures, figurines, interpretation, cultural context, iconographic analysis, comparative analysis.*

The dominant form of fine arts in the Eurasian early agricultural cultures was “mobile” small sculptures: anthropomorphic and zoomorphic figurines, and different kinds of models. Their studies may be defined as universalist and contextualist approaches (Lesure 2011). Such approaches can be traced as well in the studies of Russian and Eastern European scholars. In addition, since the late 1960s, an integrated approach emerged, being reflected both in archaeological and oriental studies. Problems in the interpretation of figurines can be overcome within the framework of this approach that is based on a thorough study of the archaeological context, iconographic analysis; reconstructions of the social context, and a consideration of objects of art as means of social communication. The use of comparative analysis is also quite productive one, but under the condition of a comparison not only of the finds themselves, but of their contexts.

«ДЫХАНИЕ ВОСТОЧНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ» В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Д. Г. Савинов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-209-212

Ключевые слова: *Южная Сибирь, эпоха ранних скотоводов, окуневская культура, искусство, восточные цивилизации, традиция.*

Произведения искусства окуневской культуры отличаются удивительным разнообразием изобразительной деятельности, включающим статуарные памятники (каменные изваяния и стелы), предметы мелкой пластики, гравировки на кости и наскальные изображения. Не менее различны упомянутые находки по условиям их обнаружения и по представленным в них сюжетам. Создается впечатление, что окуневская культура вобрала в себя все художественное наследие древней Сибири, при том, что подобных произведений нет ни в предшествующей афанасьевской, ни в последующей андроновской культурах. Это обстоятельство требует какого-то внятного объяснения, которое до сих пор так и не появилось.

Судя по имеющимся материалам, вряд ли можно предполагать наличие одного места исхода окуневской изобразительной традиции. Это естественным образом сопряжено с решением проблемы происхождения окуневской культуры, что само по себе составляет еще более сложную, нерешенную проблему. Более оправданным представляется нарративный подход при рассмотрении окуневского искусства: а именно компонентный анализ составляющих его элементов, условий их появления и контаминации в единый изобразительный пласт.

Окуневский культурный комплекс *apriori* является двухкомпонентным образованием, сочетающим местный (неолитический?) компонент и пришлый компонент, связанный с приходом нового скотоводческого населения, что подтверждается и данными антропологии. К местному компоненту, помимо основных категорий сопроводительного инвентаря, можно отнести изображения «ангарского» стиля; правда, в арсенале окуневского искусства они крайне немногочисленны. Все остальное есть результат различного рода

инноваций. Однако прямых аналогов им в окружающем мире более высоких культур нет, поэтому образное выражение М. Д. Хлобыстиной — «дыхание восточных цивилизаций» — представляется особенно удачным.

Начало этого процесса было положено еще в эпоху первого широкого расселения ранних скотоводов, крайним форпостом которых на востоке стала афанасьевская культура на Енисее. До недавнего времени считалось, что изобразительное (фигуративное) искусство вообще не было свойственно для афанасьевцев (или следы его остались невыявленными). Сейчас благодаря работам Ю. Н. Есина и других специалистов, положение изменилось. К эпохе ранних скотоводов (афанасьевцы в Южной Сибири) можно отнести загадочные «решетчатые» женские фигуры из Колбак-Таша (Горный Алтай), имеющие, с точки зрения содержания, параллели в изобразительных материалах Ближнего Востока периода Джемдет-Наср (так называемые «хижины для рождения» и связанные с ними изображения животных). По условиям нахождения в афанасьевском слое с ними связаны такие же изображения из Кучерлы (В. И. Молодин), а по стилистическим особенностям — петроглифы «минусинского» стиля на Енисее.

Имеются основания полагать, что расселение ранних скотоводов происходило в полосе предгорий Средней и Центральной Азии, вблизи от мест расселения ранних земледельцев, что подтверждается неоднократными находками афанасьевской керамики в древних земледельческих центрах, в особенности открытиями последних лет погребений ямно-афанасьевского типа в Восточном Казахстане и на Иртыше (В. К. и И. В. Мерц). Такое расселение создавало наилучшие условия для восприятия основных (канонических) ценностей из зоны высоких цивилизаций. Можно предполагать, что таким же образом продвигались и носители окуневской традиции (вторая волна расселения ранних скотоводов, по И. П. Лазаретову).

По данным радиоуглеродного анализа, опубликованным в работах А. В. Полякова и С. В. Святоко, общая продолжительность существования окуневской культуры составляла около 600 лет (по крайним датам XXV–XIX вв. до н. э.). За это время окуневская культура на Енисее прошла через несколько этапов (не менее трех), для каждого из которых вопрос о составе (и происхождении?) образов окуневского искусства должен решаться по-своему.

В памятниках тас-хазинского или уйбатского этапа, где контакты с населением афанасьевской культуры еще наиболее ощутимы, проявляются не менее далекие и опосредованные параллели, уже привлекавшие к себе внимание исследователей (А. Н. Липский, Л. Р. Кызласов, В. Д. Кубарев). К ним относятся фас-профильное изображение «шагающих» фигур-маскоидов, близко напоминающее древнеегипетские изображения; также, возможно, сама идея изображения культовых сооружений, отраженная в рисунках каркасных построек из Тас-Хазы, но уже, конечно, в новом, местном исполнении.

Основное количество памятников окуневского искусства относится к «классическому» (черновскому) этапу культуры. Среди них можно выделить целый ряд сюжетов, навеянных влиянием восточных цивилизаций. Одни из них пока можно относить к универсальным, другие имеют более конкретный источник происхождения. Перечислим наиболее очевидные из них и предполагаемые параллели.

Геральдические композиции (Аскиз I, кург. 2) принадлежат к очень широкому, в том числе и значительно более раннему кругу параллелей. То же можно сказать о сцене «заглавования» (в окуневской культуре — навершие рогового жезла из Черновой VIII — самая ранняя композиция подобного рода в искусстве древней Сибири). У изображения «божества» со змеями из ул. Онхаков круг западных аналогий достаточно широк — от печатей из Древней Бактрии — до богини со змеями из Кносского Дворца. Изображение хищника с раскрытой пастью и длинным высунутым языком встречено на окуневских плитах

неоднократно (Черновая VIII, Есино II, Бырганов, Аскиз I, кург. 2). Наиболее близкие параллели им представлены на глиняных печатях из Древней Бактрии. Более поздние и более западные аналогии имеются в Михайловском кладе, в изображениях на керамике геометрического стиля, на беотийских фибулах, в кобанских бронзах; более восточные — в так называемом шичжайшаньсий хищнике и еще более поздние в Китае, в изображениях периода царства Дянь.

К позднему (разливскому) этапу относятся изображения в стиле «тощих быков» и способ запряжки быков с кольцом в носу, имеющие, скорее всего, анатолийское происхождение (по Е. А. Миклашевич).

Особого внимания заслуживают изображения на лицевой стороне каменных изваяний, представляющие пример трехчастной вертикальной композиции. Посередине показана личина яйцевидной формы с бычьими рогами и «третьим» глазом (в этом отношении возможно прав Д. А. Мачинский, указавший на сходство этих личин с яйцевидной формой афанасьевских сосудов). Объединение образов быка и сосуда является явным отражением индоевропейской мифологии генеалогического цикла. В верхней части, с различной степенью детализации, помещен образ змея, заглатывающего «нечто». В нижней находится солярный знак, как символ противопоставления угрожающей силе змея. Эта мифологема, полностью или частично, иногда со значительными добавлениями, повторяется на большинстве окуневских изваяний (вариант — голова «заглатывающего» хищника в нижней части камня, солярные знаки на боковых сторонах).

Говорить о точной датировке приведенных и еще не упомянутых аналогий трудно, большинство из них относятся к разному времени, но в целом они «укладываются» (кроме самых поздних) в общий период существования окуневской культуры и могли отразиться в искусстве населения Южной Сибири на разных этапах ее развития. Это вполне соответствует динамике расселения ранних скотоводов, справедливо названной В. А. Новожезовым «эпохой фургонов». Ближайшим источником этих инноваций могла быть Древняя Бактрия, в искусстве которой на том же хронологическом срезе располагается большинство из приведенных параллелей, но вполне возможны и другие решения данного вопроса.

Важно отметить, что все (или, во всяком случае, большинство) из приведенных выше случаев являются не только отдельными образами, а уже сложившимися композициями, выполненными во вполне «узнаваемом» окуневском стиле. Это является свидетельством того, что на территорию Южной Сибири, как и на все промежуточные территории, проникали не сами изображения, а исходные мифологемы, транслировавшиеся в определенной этической среде на очень далекие расстояния и затем уже воплощенные в местной изобразительной традиции.

“A BREATH OF THE EASTERN CIVILIZATIONS” IN THE MONUMENTS OF ART OF THE OKUNEV CULTURE

Dmitrii G. Savinov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Keywords: Southern Siberia, epoch of early cattle-breeders, Okunev culture, fine arts, Eastern civilizations, tradition.

The paper discusses the origin and development of the Okunev art, whose figurative monuments include stone sculptures, steles, small plastic objects, engraving on bones and rock paintings. These monuments of art are very diverse, both in the place of their manufacture and in the topics and images embodied in them. In his interpretation of the origin of the Okunev art the author uses a multicomponent analysis. A conclusion is made regarding reflections in the monuments of the Okunev

culture of figurative traditions of the agricultural population of the Eastern civilizations of the Early Bronze Age. On the other hand, it is emphasized that the Okunev art was already an independent and absolutely established figurative tradition of the ancient art of Southern Siberia.

ОБРАЗ БЫКА В ИСКУССТВЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

М. Е. Килуновская, Вл. А. Семёнов¹

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-212-213

Ключевые слова: Центральная Азия, Алтын-депе, Тува, эпоха бронзы, изображения быка, наскальные рисунки.

В 1971 г. одному из авторов довелось работать в экспедиции В. М. Массона на Алтын-депе (Южный Туркменистан). На этом памятнике был открыт уникальный комплекс, включавший небольшую золотую головку быка, что являлось событием сенсационным. Эта вещь, опубликованная в научных трудах В. М. Массона, конечно известна всем археологам, имеющим отношение к азиатской археологии, но все же осмелимся напомнить о некоторых ее стилистических особенностях, в частности, о том, что у фигурки были вставные рога и уши, морда слегка вытянутая, заканчивалась круглым «пяточком». Эта культовая вещь находилась в древнем святилище, датируемом временем Намазга V, то есть последними веками III тыс. до н. э.

Аналог этому изделию был обнаружен далеко от Туркмении в центрально-азиатской Туве. Здесь в пос. Хадын был найден фрагмент каменной чаши с ручкой (?), выполненной в виде головы быка. Рога не изображены, но показаны широко раскинутые, как у алтынского быка, уши, глаза и нос «пяточком». Разница в материале и разрыв во времени (хадынский бык датируется первой третью — серединой II тыс. до н. э.) позволяют рассматривать оба изображения с точки зрения идентификации как общую идею быка-«бога», быка-жертвы, быка-спасителя или переносчика душ умерших из одного каршвара в другой. Этим объясняется большое количество образов быка, представленных на скалах Центральной Азии в эпоху бронзы, исчезающих с наступлением скифского времени, когда на смену изображению быка приходит образ оленя.

THE IMAGE OF THE BULL IN THE ART OF THE BRONZE AGE OF CENTRAL ASIA

Marina E. Kilunovskaya, Vladimir A. Semenov

Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Keywords: Central Asia, Altyn Depe, Tuva, Bronze Age, bull representations, rock drawings.

In 1971, one of the authors happened to work in the expedition of Vadim M. Masson at Altyn Depe (Southern Turkmenistan). It is in this settlement that there was found a small golden head of a bull with insertable horns and ears, a slightly elongated muzzle of which ends with a round patch. This cult thing dates back to the last centuries of the 3rd millennium BC.

An analogue to this work of art was discovered in Tuva. There, in the village of Khadyn, a fragment of a stone bowl with a handle (?) was found, which had been made in the form of a bull's head with the wide-spread ears, eyes and nose in the shape of a "snout": in a word, all the features are like those

---

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.)».